

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.10

Правильная ссылка на статью:

Брилев Д. В. Суфийская транснациональная коммуникативная сеть аль-Ахбаш на постсоветском пространстве: пример Украины // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 180—193. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.10.

For citation:

Brilev D. V. Al-Ahbash transnational Sufi network in the post-Soviet space: a Ukrainian case study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 2. P. 180—193. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.10.



Д. В. Брилев
**СУФИЙСКАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ
СЕТЬ АЛЬ-АХБАШ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПРИМЕР УКРАИНЫ**

СУФИЙСКАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИКАТИВНАЯ СЕТЬ АЛЬ-АХ-
БАШ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАН-
СТВЕ: ПРИМЕР УКРАИНЫ

AL-AHBASH TRANSNATIONAL SUFI NET-
WORK IN THE POST-SOVIET SPACE: A
UKRAINIAN CASE STUDY

*БРИЛЕВ Денис Валентинович — канди-
дат философских наук, доцент кафедры
религиоведения, Казанский федераль-
ный университет, Казань, Россия.
E-MAIL: dbrilyov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6214-2782*

*Denis V. BRILEV¹ — Cand. Sci. (Philoso-
phy), Associate Professor
E-MAIL: dvbrilev@kpfu.ru
ORCID: 0000-0001-6214-2782*

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russia

Аннотация. Представлены результаты исследования регионального измерения транснациональной суфийской сети аль-Ахбаш на постсоветском пространстве. Автор предлагает концептуализацию феномена транснациональной коммуникативной сети

Abstract. This article presents the results of a study of regional dimension of al-Ahbash transnational Sufi network on the post-Soviet territories. The paper proposes conceptualization of the al-Ahbash transnational community and provides an analysis of the Ukrainian dimension

аль-Ахбаш, а также анализ украинского измерения сети. Установлены ее ключевые акторы: 1) анклав ливанской диаспоры, 2) негосударственная организация «Ассоциация исламских благотворительных проектов», 3) администрации принимающих стран, 4) региональные негосударственные организации сети аль-Ахбаш. Выявлено, что в рамках концепции транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий (Е. А. Островской) аль-Ахбаш представляет собой новый тип — политически конформной сети. Это связано с ее антиисламистской установкой и лояльностью европейской демократической доктрине и обуславливает отсутствие в ее структуре пятого актора — правительства страны исхода.

Ключевые слова: транснациональная коммуникативная сеть, образовательное религиозное движение аль-Ахбаш, суфизм, ливанская диаспора

of the network. The following key actors of the network were found: 1) enclaves of the Lebanese diaspora, 2) the NGO «Association of Islamic Charitable Projects», 3) administrations of the host countries, and 4) regional NGOs of the al-Ahbash network. The study reveals that within the framework of the concept of transnational communicative networks of religious ideologies (by E. A. Ostrovskaya), Al-Ahbash is considered as a new type of politically conformal network. This is related to its anti-Islamic setting and loyalty toward the European democratic doctrine and explains the absence of the fifth actor in its structure — the authorities of the country of origin.

Keywords: transnational communicative network, Al-Ahbash educational religious movement, Sufism, Lebanon diaspora

Вторая половина XX в. ознаменовалась появлением международных суфийских организаций, не просто инкорпорированных в глобальное информационное пространство, но способных гибко адаптироваться к условиям функционирования в западной культуре. Они возникали и отстраивались вслед за своими главными идеологическими оппонентами — транснациональными сетями радикального ислама. Суфийские братства (*тарикаты*) изначально формировались как транснациональные сети, обеспечивающие движение людей, товаров, идей, культурных артефактов. В XXI в. ключевыми акторами этих сетей стали делокализованные семьи, различные мусульманские диаспоры, неправительственные организации стран исхода и принимающих стран [Raudvere, Stenberg, 2009: 3].

Суфийские транснациональные сети существуют на базе какого-то одного конкретного суфийского братства (*тариката*) либо объединяют представителей нескольких братств. Примером первого типа сетей является *хакканийя-раббанийя* — ответвление братства *накшбандийя*¹, возглавляемое Назимом аль-Хаккани [Цибенко, 2014]. Возникнув в Дагестане как региональная суфийская

¹ Накшбандийя — суфийское братство, получившее это название в XIV в. по имени Баха ад-Дина Накшбанда (1318—1389), заложившего основы организационной структуры братства. Одно из самых распространенных в современном мире братств.

группа, в течение трех поколений глав братства (*шейхов*) духовный центр этой ветви накшбандийа перемещается через Турцию и Сирию на Северный Кипр. С 1974 г. хакканийа-раббанийа начинает активно развиваться на Западе, прежде всего в Великобритании, Германии и США. Основными каналами распространения братства при этом были мусульманские диаспоры: в Великобритании — турки-киприоты и выходцы из Южной Азии, в Германии — турки, в США — эмигранты с Кавказа [Цибенко, 2014: 96].

Примером второго типа суфийских транснациональных сетей выступает аль-Ахбаш (араб. «эфиопы»), отсылающим к Эфиопии (араб. Хабаш) — родине идейного лидера аль-Ахбаш Абдаллаха аль-Харари аль-Хабаша (1910—2008).

Одной из основных причин возникновения сети аль-Ахбаш стала реакция суфийского сообщества на агрессивную экспансию и нападки (вплоть до обвинений в неверии) исламистских организаций. Другие причины — низкий уровень религиозной образованности мусульманской молодежи, экономические проблемы в регионах исламского мира, применение двойных стандартов в отношении арабского мира в контексте арабо-израильского конфликта [Hamzeh, Dekmejian, 1996: 221].

В настоящей статье я хочу познакомить читателя с результатами проведенного мной исследования регионального измерения транснациональной суфийской сети аль-Ахбаш на постсоветском пространстве. Сконцентрирую внимание на рассмотрении акторов аль-Ахбаш на Украине, особенностях их формирования в условиях позднего постсоветского общества, характеристиках их деятельности в регионе. Отдельный интерес представляет сравнительный анализ украинского измерения сети и ее ключевых акторов с ее глобальными акторами и формами взаимодействия.

В исследовании я использовал преимущественно метод анализа документов, примененный к аутентичным источникам — документам «Ассоциации исламских благотворительных проектов»², а также Духовного управления мусульман Украины. Анализ проводился в три этапа: выделение ключевых положений идеологии аль-Ахбаш, установление способов их воспроизводства и легитимации, выявление долгосрочных стратегий развития сети.

Наряду с этим я использовал анализ вторичных данных — материалов архива Уполномоченного по делам религиозных культов при Совете Министров УССР (из Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, ЦГАВОВУ), касающихся деятельности исламских общин на территории УССР. Помимо этого были использованы результаты исследований отечественных и зарубежных исламоведов, антропологов и социологов.

Отдельно хочу отметить, что в данной статье я ввожу в научный оборот материалы личного архива, содержащего внутренние документы мусульманских общин Украины. Я счел возможным и целесообразным их использование, поскольку анализ этих материалов позволяет осветить неофициальную историю ислама в Украине, в частности, историю становления сети аль-Ахбаш.

² Благотворительная организация, отождествляемая с сетью аль-Ахбаш, являющаяся по сути ее юридическим оформлением. Самоназвание на арабском языке — *Джам'иййа ал-машари' ал-хайриййа ал-исламиййа*. В большинстве исследований используется латинская аббревиатура организации — AICP (Association of Islamic Charitable Projects).

Транснациональная сеть аль-Ахбаш: ключевые акторы

В качестве модели и алгоритма препарирования материала я использую концепцию транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий российского социолога религии Е. А. Островской [Островская, 2013]. Согласно этой концепции, *транснациональные коммуникативные сети* (ТКС) — «это тематически специфицированные многомерные взаимодействия, которые осуществляются правительственными и независимыми организациями, неформальными группами и индивидами поверх национальных и государственных границ и формируют единое пространство глобального дискурса» [там же: 2013]. «Эти сети подразделяются на два типа: собственно религиозные, сформировавшиеся до 1961 г., и новые этнорелигиозные, сконструированные позднее» [там же].

Основными акторами этнорелигиозных ТКС, согласно рассматриваемой концепции, выступают следующие: «1) детерриторизированные этносообщества (новые глобальные диаспоры, мигранты, беженцы); 2) правительства стран исхода; 3) правительства принимающих стран; 4) религиозные и секулярные независимые гражданские организации (РНГО и НГО) принимающих стран; 5) религиозные и секулярные независимые гражданские организации (РНГО и НГО) стран исхода» [Островская, 2013: 178—179].

Ключевое отличие ТКС аль-Ахбаш от рассматриваемых Е. А. Островской сетей религиозных идеологий заключается в наличии только четырех ключевых акторов — анклавов ливанской диаспоры, негосударственных организаций (НГО) стран исхода и принимающих стран (в первую очередь — «Ассоциация исламских благотворительных проектов» и ее клоны в принимающих странах), администраций принимающих стран. В аль-Ахбаш нет пятого актора — правительства страны исхода. Это обусловлено двумя причинами.

Первая состоит в том, что сеть изначально конструировалась как противовес транснациональному исламу. Вторая причина — это особенности ливанской миграции. Ливан — единственная арабская страна, в которой официально признаны 18 религиозных общин, а политическая система основана на пропорциональном представительстве этих общин в системе органов государственной власти («конфессиональный парламентаризм»). Возникшее в результате политическое и социально-экономическое обособление религиозных общин негативно влияло на процесс национальной интеграции, способствовало диспропорциональному развитию районов страны и обуславливало слабость ливанского государства, которое сформировалось как своеобразная федерация религиозных общин [Сапронова, 2010: 308].

Слабость государства, открытость свободного рынка и разделение ливанской нации на религиозные общины привели к тому, что (в отличие от других стран эмиграции) ливанское государство не играло активной роли в организации эмиграции, не была выработана стратегическая позиция в отношении общин экспатриантов [Pearlman, 2014: 46].

Рассмотрим каждого из четырех ключевых акторов аль-Ахбаш.

Актор 1 — анклав ливанской диаспоры. Говоря про ливанскую диаспору в странах Запада, следует отметить, что принято выделять пять волн миграции из Ливана: 1840—1870 гг., 1870—1914 гг., 1945—1975 гг., 1975—1989 гг.,

1990 г. — настоящее время [Tabar, 2010]. Для изучения транснациональной сети аль-Ахбаш интерес представляет миграция в 1975—1989 гг., которая была вызвана гражданской войной в Ливане. Миграцию этого периода отличают существенная доля высококвалифицированных кадров, представителей всех социальных категорий и большое количество мусульман [Tabar, 2010]. Именно тогда произошло распространение последователей Абдаллаха аль-Харари в страны Запада. Они создали организационные филиалы ТКС аль-Ахбаш по всему миру.

Основные массы ливанских беженцев в тот период приняли США, Австралия, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Греция, Италия, Дания, Швеция и страны Восточной Европы и Персидского залива. В начале 1990-х годов благодаря активности в мусульманских диаспорах сторонников аль-Ахбаш ассоциация впервые заявляет о себе не просто как о суфийской неправительственной организации, а как о транснациональной сети с набором ключевых акторов.

Ключевые положения идеологии, консолидировавшей входящие в аль-Ахбаш анклав диаспоры, следующие: умеренность в отношениях с принимающим обществом; межрелигиозный (в первую очередь — мусульманско-христианский) диалог; обращение к суфийскому наследию как неотъемлемой части ислама; аполитичность и лояльность принимающему государству; крайняя нетерпимость к экстремистским движениям под религиозными лозунгами ислама — в отношении представителей экстремистской идеологии применяется обвинение в неверии (*такфир*), отступлении от ислама [Kabha, Erlich, 2006: 525—526]; распространение среди мусульман современного образования, особенно в области прикладных наук, путем создания школ, институтов и университетов. Еще один ключевой компонент идеологии аль-Ахбаш — критика идей Мухаммада ибн абд аль-Ваххаба и Саида Кутба, чьи идеи легли в основу радикального исламизма. Идеология аль-Ахбаш отвечала ожиданиям диаспоры, основную массу которой составляли люди, покинувшие Ливан из-за гражданской войны и межрелигиозных конфликтов.

Актор 2 — правительства и администрации принимающих стран. Следует отметить, что ливанцы чаще других арабов добиваются гражданства в странах-реципиентах. Наиболее давняя и ассимилированная ливанская диаспора — в Латинской Америке, где выходцы из диаспоры входят в финансовую, творческую и политическую элиту [Савичева, 2010: 90—91]. В США, Канаде и Австралии ливанцы лучше других арабских мигрантов владеют английским языком, у них самый высокий уровень занятости и заработной платы среди арабов, а также уровень образования [там же: 91—93]. В европейских странах, где отношения с мигрантами наиболее напряженные, ливанцы обладают одним из наиболее высоких уровней образования, чаще других арабских мигрантов получают гражданство. При этом ливанская миграция в Европу отличается своей дисперсностью, в отличие от, например, североафриканской, которая направлена прежде всего во Францию [там же: 95].

Сотрудничество организаций сети аль-Ахбаш и администраций принимающих государств объясняется совпадением их целей — противостояния радикальному исламизму. Хабаши (последователи Абдаллаха аль-Харари аль-Хабаши) избегают вооруженного джихада и исповедуют аполитичность и лояльность по отношению к государству пребывания, даже если оно носит светский характер. Это

положение доктрины делает аль-Ахбаш непримиримым оппонентом исламизма, представляющего собой бренд современного политического исламского фундаментализма, который претендует на воссоздание *истинного исламского общества*, а не просто навязывание шариата, но путем создания сначала исламского государства посредством политических действий. При этом исламисты рассматривают ислам не просто как религию, а как политическую идеологию [Roy, 2004: 58].

В данном контексте будет уместным привести цитату Абдаллаха аль-Харари: «Мы не считаем, что халяль [дозволено. — Прим. Д.Б.] совершать покушения на глав правительств из-за того, что они судят по собственным законам. Мы чисты от таких идеологий и течений»³. Именно такая позиция воспроизводится в транснациональной политической активности ТКС аль-Ахбаш. Соответственно, эта идеологема и ее воплощение в деятельности сети импонируют администрациям принимающих стран.

Поддержка со стороны администрации принимающих стран проявляется в предоставлении организациям, входящими в сеть аль-Ахбаш, статуса единственных легитимных представителей мусульманской общины принимающей страны. Например, в кантоне Во (Швейцария) местные власти сотрудничают только с местным актором сети аль-Ахбаш «Исламский центр Лозанны», рассматривая его как единственного легитимного представителя мусульман кантона. Подобный статус позволил капелланам «Исламского центра» получить доступ в тюрьмы и больницы кантона для проповеди и обеспечения духовных потребностей находящихся там мусульман [Amghar, 2007: 611].

Другим примером подобного взаимодействия администраций принимающих стран с акторами ТКС аль-Ахбаш стала компания «ахбашизма», развернутая премьер-министром Эфиопии Мелесом Зенауи. К 2011 г. благодаря финансированию со стороны зарубежных центров среди эфиопских мусульман распространились фундаменталистские идеи, действовали ячейки «Такфир валь-хиджра»⁴. Правительство Эфиопии пригласило представителей «Ассоциации исламских благотворительных проектов» возглавить аутрич-программу⁵ по дерадикализации эфиопских мусульман. В религиозных школах и мечетях преподаватели, аффилированные с ассоциацией, провели переподготовку около 16—18 тыс. религиозных лидеров эфиопской мусульманской общины в соответствии с принципами идеологии аль-Ахбаш [Abbink, 2014: 353].

Актор 3 — НГО страны исхода. В качестве ключевого актора из разряда негосударственных организаций страны исхода следует квалифицировать «Ассоциацию исламских благотворительных проектов». Именно с нее началось суфийское движение аль-Ахбаш.

Абдаллах аль-Харари аль-Хабаша, столкнувшись в своем родном регионе Харар (Эфиопия) с активной пропагандой фундаменталистских настроений (*ваххабизма*), сформулировал ряд положений, ставших идеологической основой аль-Ахбаш.

³ Аль-Харари А. Мы держимся верой всех имамов // Минарет. 1995. № 17. С. 4.

⁴ Радикальная фундаменталистская группа, практикующая в отношении мусульман, не согласных с ее идеологией, обвинение в неверии (*такфир*) и разрывающая с обществом пребывания, рассматриваемым как общество неверия, все связи (то есть совершающая так называемую *хиджру* — «переселение», обособление).

⁵ Метод работы с населением и отдельными группами, при котором специально обученные сотрудники или добровольцы профильных служб выходят в места встреч, пребывания, отдыха, работы целевой группы, оказывают поддержку, раздают печатные материалы и средства предохранения, проводят индивидуальные консультации и т. п.

Прежде всего это идея умеренности (*итидаль*) в отношениях с окружающим обществом для достижения исламского единства.

Главный офис ассоциации находится в Ливане, в бейрутском районе Бурдж Аби Хайдар. Основные направления ее активности следующие: открытие мечетей и модельных домов; развитие социальной инфраструктуры — обеспечение работы религиозных детских садов и школ. Например, в 2000 г. в Бейруте ассоциацией был открыт «Глобальный университет», в составе которого функционируют такие светские факультеты, как медицинский, гуманитарный и административный [Avon, 2008]. В образовательной сфере сеть аль-Ахбаш тесно сотрудничает с Каирским университетом аль-Азхар, регулярно приглашая его представителей как в свои образовательные учреждения, так и на различные официальные мероприятия. Стоит отметить, что обращение к авторитету университета аль-Азхар — важная составляющая легитимности большинства суннитских групп. Из-за отсутствия в исламе иерархии, наподобие церковной, нередко бывает сложно определить границы условной «ортодоксии», правоверия. И университет аль-Азхар, будучи самым авторитетным учебным заведением суннитского мира, представляет собой ту институцию, которая легитимирует в качестве «ортодоксальных» суннитских те или иные исламские группы.

С 1992 г. ассоциация выпускает ежемесячный журнал «Маяк истинного пути» («Манар аль-Худа»), имеет собственную радиостанцию «Зов знаний» («Нидаа аль-Маарифа»). С 1998 г. прослеживается активность членов ассоциации в интернете. Интернет-сайты, аффилированные с сетью аль-Ахбаш (в частности, основной англоязычный сайт ассоциации www.aicp.org), инновационные с технической точки зрения, первыми в исламском киберпространстве предоставили круглосуточные группы голосовых чатов на разных языках [Pierret, 2005]. В этих чатах велась интенсивная индоктринация новых сторонников, проводились уроки на разных языках.

На сайте «Ассоциации исламских благотворительных проектов» (<http://www.aicp.org>) размещена Хартия аль-Ахбаш, в которой изложены основные цели и характеристики ассоциации. Проведенный мной анализ данного документа позволяет выделить несколько ключевых моментов самопрезентации аль-Ахбаш. Прежде всего это акцент на своей принадлежности к суннитам⁶, подчеркивание своей легитимности именно в рамках суннитской традиции, что связано с обвинениями в сектантском характере аль-Ахбаш со стороны исламистских и фундаменталистских групп [Rougier, 2009: 122].

Актор 4 — НГО принимающих стран. В сеть аль-Ахбаш входят религиозные и секулярные НГО в странах Западной Европы, Индонезии, Малайзии, Индии, Пакистане, Таджикистане, Сирии, Иордании, Египте, Канаде, США, Украине, Австралии. Аль-Ахбаш активно действуют в Африке (особенно в Эфиопии, Нигерии и Гане). При этом членами этих НГО являются как представители ливанской диаспоры, так и представители мусульманских диаспор стран пребывания, а также незначительное число мусульман-конвертитов.

Благодаря религиозной активности обучающихся в Европе ливанских студентов и политических беженцев, спасавшихся от гражданской войны в Ливане, движение

⁶ Суннизм — доминирующее течение в исламе, объединяющее около 90% всех мусульман.

быстро распространилось по всей Европе. Старейшей НГО в Европе, связанной с сетью аль-Ахбаш, принято считать швейцарский «Исламский центр в Лозанне» (<https://lausanne.al-islam.ch/>), основанный в 1977 г. в кантоне Во [Boubekeur, 2008: 29]. Также в сеть аль-Ахбаш в Швейцарии входят «Исламский центр Цюриха» (<http://www.islamy.ch/>) и «Исламский центр Невшателя» (<https://www.cisn.ch/>).

Наиболее влиятельны НГО, связанные с сетью аль-Ахбаш, во Франции. Среди них ведущую роль играет «Ассоциация исламских благотворительных проектов Франции» (<http://www.apbif.fr>). Ассоциация контролирует мечети в Монпелье, Нарбонне, Ниме, Сен-Дизье, Лионе, Сен-Этьене, Ренне, Тулузе, Марселе, Мариньяне, Ницце и Авиньоне [Avon, 2008].

В Германии базируется НГО «Исламская ассоциация благотворительных проектов» (<http://ivwp.de>), контролирующая многофункциональный комплекс «Машари-центр», включающий крупнейшую в Берлине мечеть имени Умара ибн Хаттаба, магазины, залы для торжеств, конференц-залы, учебные помещения.

В Австралии в сеть аль-Ахбаш входит около 30 НГО, среди которых есть образовательные, молодежные, женские. Ключевую роль здесь играет Высший исламский совет Австралии «Дом религиозных заключений» («Дарульфатва», <http://www.darulfatwa.org.au>).

В Канаде действует «Ассоциация исламских благотворительных проектов Канады» (<http://www.aicr.ca/>), чьи центры расположены в Монреале, Квебеке, Оттаве, Ванкувере и Торонто. В сеть также входят образовательные НГО — «Академия культуры Лавалья» (<http://www.ecoleacl.com/>) и школа «ан-Нур».

В США этот актор сети аль-Ахбаш представлен НГО «Ассоциация исламских благотворительных проектов» с центром в Филадельфии (<http://www.aicp.org>) и региональными представительствами в Калифорнии, Массачусетсе, Мичигане, Флориде, Теннесси и Техасе.

Украинские акторы транснациональной сети Аль-Ахбаш

В начале 1990-х годов Украина оказалась вовлеченной в сеть транснациональных взаимодействий аль-Ахбаш благодаря ливанскому студенту Киевского политехнического института Ахмеду Тамиму. А. Тамим — прямой ученик Абдаллаха аль-Харари, от которого получил разрешение (*иджазу*) на передачу посвящений в два суфийских братства — рифайя и кадирийя⁷, а также на преподавание по книгам своего учителя. Он стал идеологическим лидером киевской мусульманской общины, позднее возглавил одно из первых духовных управлений мусульман Украины (ДУМУ).

В течение истекших двух десятилетий на Украине сформировались полноценные участники ТКС аль-Ахбаш, среди которых я выделяю следующих ключевых акторов:

1. Смешанная диаспора — поволжские татары, турки-месхитинцы, представители народов Северного Кавказа, арабы (в том числе ливанцы) и т. д.
2. Местное религиозное НГО — Духовное управление мусульман Украины (ДУМУ).
3. Правительственные организации, взаимодействующие с сетью аль-Ахбаш.

⁷ Рифайя — старейшее суфийское братство, распространено на Ближнем Востоке, в Египте, Турции и на Балканах. Кадирийя — одно из старейших и самых распространенных в мире суфийских братств.

4. Образовательные НГО — Исламский университет и школа «аль-Иршад».

Поговорим прежде всего о **первом** из них — смешанной диаспоре. Отмечу, что на Украине ливанская диаспора немногочисленна. В силу этого иностранные активисты аль-Ахбаш сделали ставку на местные мусульманские диаспоры — анклавов поволжских татар, турок-месхетинцев, представителей северокавказских диаспор, азербайджанцев, среднеазиатских и арабских диаспор. Необходимо отметить, что инициатива по привлечению идеологов ТКС аль-Ахбаш в начале 1990-х годов принадлежала диаспоре поволжских татар. Эта диаспора отличается исключительной консолидированностью, поскольку и в советский период она подпольно продолжала исповедовать ислам, объединяя татарское население г. Киева⁸. В послевоенный период до 1951 г. именно в Киеве действовала единственная зарегистрированная в УССР мусульманская община, участники которой после ее ликвидации продолжали проводить религиозные обряды. В конце 1980-х годов члены этой неофициальной мусульманской общины приняли самое активное участие в религиозном «возрождении» в УССР, подав документы на регистрацию первого религиозного объединения⁹.

В начале 1991 г. председатель мусульманской общины г. Киева Асхат Кашапов пригласил Ахмеда Тамима организовать курсы для изучения основ Корана членами общины¹⁰. В июне 1991 г. вместе с А. Кашаповым А. Тамим посетил Уфу, где познакомился с муфтием Духовного управления мусульман Европейской России и Сибири (ДУМЕС, с 1992 г. — Духовное Управление мусульман России и европейских стран СНГ, ЦДУМ)¹¹ Талгатом Таджуддином. Киевская община организационно подчинялась ДУМЕС, в силу чего подтверждение статуса духовного лица (*имам*) А. Тамима зависело от согласия Т. Таджуддина. После сдачи соответствующих экзаменов А. Тамим был назначен Т. Таджуддином *имамом-хатыбом*¹² при мечети киевской мусульманской общины¹³, а в 1992 г. — *имамом-мухтасибом*¹⁴ Главного мухтасибатского управления мусульман Украины¹⁵. В 1993 г. это управление перерегистрировалось как Духовное управление мусульман Украины, разорвав тем самым административную зависимость от ЦДУМ.

Вторым актором украинской части ТКС аль-Ахбаш следует считать религиозное НГО «Духовное управление мусульман Украины» (ДУМУ), являющееся первым централизованным мусульманским управлением на Украине. 27 сентября 1993 г. на конференции представителей мусульман Украины было принято решение изменить название управления с «Главного мухтасибатского управления

⁸ В частности, об этом идет речь в донесении от 11 июля 1951 г. Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Киевской области и г. Киеву А. Олейникова председателю Совета И. Полянскому и Уполномоченному Совету по УССР П. Вильховому (ЦГАВОВУ, Ф. 4648, Оп. 4, Д. 91, Л. 173).

⁹ ЦГАВОВУ, Ф. 4648, Оп. 7, Д. 576, Л. 54.

¹⁰ Письмо А. Тамиму от А. Кашапова № 11 от 5.04.1991 г. (из личного архива автора).

¹¹ Духовное управление мусульман Европейской России и Сибири, располагалось в г. Уфа. С 1992 г. — Центральное Духовное Управление мусульман России и европейских стран СНГ (ЦДУМ).

¹² Имам-хатыб — грамотный в религиозных вопросах мусульманин, возглавляющий совместную молитву и осуществляющий пятничную проповедь (*хутбу*).

¹³ Свидетельство ДУМЕС б/н от 2.07.1991 г. (из личного архива автора).

¹⁴ Имам-мухтасиб — глава регионального подразделения (*мухтасибата*) духовного управления мусульман.

¹⁵ Справка ДУМЕС № 411 от 14.08.1992 г. (из личного архива автора).

мусульман Украины» на «Духовное управление мусульман Украины», с внесением соответствующих изменений в устав¹⁶. В этой конференции приняли участие главы зарегистрированных мусульманских общин Киева, Запорожья, Херсона, Полтавы, Одессы, Николаева, Харькова, а также представители незарегистрированных общин Львова, Донецка и Черкасс. Председателем ДУМУ был избран А. Тамим.

В своей деятельности ДУМУ воспроизводит направления активности, характерные для большинства религиозных НГО сети аль-Ахбаш — проповедь «умеренного» ислама, препятствующего распространению радикальных идей, и представительство мусульман Европы на уровне администраций принимающих государств [Amghar, 2007: 611]. В связи с последним подчеркну, что идеологическая активность сетевых акторов предполагает аполитичность и лояльность политическому строю принимающих государств.

В Украине ДУМУ сразу обозначило своим приоритетом «борьбу с экстремизмом и фундаментализмом»¹⁷. Это нашло незамедлительный отклик у местных властей. Так, в служебной записке Председателя Совета по делам религий А. Зинченко на имя президента Украины Л. Кравчука говорилось, что на территории Украины высока опасность исламского фундаментализма, подтверждавшаяся циркулированием фундаменталистской литературы среди студентов-мусульман¹⁸. В записке указывалось также, что об опасности фундаментализма в Украине предупреждала посол Бельгии в Украине И. Кристофферсен. В качестве рекомендации А. Зинченко выдвинул предложение поддерживать статус ДУМУ — тогда еще «Главного мухтасибатского управления» — как центрального духовного учреждения для мусульман Украины¹⁹. В данном контексте уместно подчеркнуть и тот факт, что в тот период идеологического доминирования в среде мусульман Украины искали и «Братья-мусульмане», конкурирующие с аль-Ахбаш и представлявшие исламистскую ТКС²⁰.

ДУМУ демонстрирует принципиальную лояльность государству через свой аполитичный характер. Оно стремится максимально дистанцироваться от участия в любых политически окрашенных мероприятиях и действиях, отказывается агитировать в пользу какой-либо политической силы [Брильов, 2012].

Важным аспектом позиционирования ДУМУ как легитимного представителя украинских мусульман является вопрос использования термина «Муфтий Украины». Во всех публикациях ДУМУ, на международных встречах и конференциях шейх А. Тамим именуется как «Муфтий Украины» или «Верховный муфтий Украины». Конкурирующие мусульманские организации выступают категорически против использования А. Тамимом такого титула. В своих выступлениях они аргументируют такую позицию указанием на его «отсутствие в светском государстве Украина»²¹, что, однако, не мешает им использовать его для обозначения своих лидеров.

¹⁶ Протокол № 124 от 27 февраля 1993 г. (из личного архива автора).

¹⁷ Согласие и единство — наша цель // Минарет. 1994. № 8(9).

¹⁸ ЦГАВОВУ, Ф. 4648, Оп. 7, Д. 644, л. 140.

¹⁹ Там же, л. 141.

²⁰ Подробнее про представителей идеологии «Братьев-мусульман» в Украине см.: [Brylov, 2015].

²¹ Черкасова И. Конфликт вокруг термина «Муфтий Украины» — история вопроса [Электронный ресурс] // Ансар. 14 января 2014. URL: <http://www.ansar.ru/analytics/konflikt-vokrug-termina-muftij-ukrainy-istoriya-voprosa> (дата обращения: 22.03.18).

Второй аспект идеологической активности ДУМУ — образовательная и публицистическая деятельность. Идеологическая доктрина аль-Ахбаш нашла свое отражение в изданиях ДУМУ. Значительный объем выпускаемой литературы занимают труды Абдаллаха аль-Харари аль-Хабаша, классические труды основных правовых школ ислама по вероучению, исламскому праву и суфизму, а также полемические работы (антиисламистского характера).

Издание переводов классических трудов суннитского ислама по вероучению, таких как «Ақыда ат-Тахавийа», «Ақыда ан-Насафийа», направлено на распространение среди верующих суннитской ортодоксии. Кроме того, это служит легитимации собственного религиозного авторитета аль-Ахбаш, поскольку демонстрирует тождественность идеологии аль-Ахбаш классическому суннитскому исламу: «...эти источники [классические труды. — Прим. Д.Б.] являются еще одним доказательством того, что знания по Исламу, которым мы обучаем, — это не нововведения, а истинные знания, переданные нам от теологов Ислама через многие поколения наших предков»²².

Для утверждения своего религиозного авторитета среди местных мусульман представители ДУМУ активно используют популярные в суннитском мире и суфийские по происхождению практики благословения реликвиями (*табаррук*) и празднование события рождения пророка Мухаммада (*маулид*). Регулярно проводя благословение верующих реликвиями пророка Мухаммада, ДУМУ укрепляет свой авторитет среди украинских этнических мусульман, отличительной особенностью традиций которых выступает данная практика. Торжественное празднование маулида в соборной мечети Киева «Ар-Рахма», на котором присутствуют представители дипломатического корпуса как мусульманских, так и немусульманских государств, тем самым «легитимируя» его, используется ДУМУ для укрепления своего авторитета и среди простых мусульман (особенно выходцев из тех стран, чьи дипломаты посещают маулид), и в глазах представителей властей.

Третьим актором украинской ветки ТКС аль-Ахбаш выступают правительственные организации. Будучи старейшим духовным управлением мусульман на Украине, а также учредителем и участником²³ Всеукраинского совета Церквей и религиозных организаций²⁴ (ВСЦиРО), ДУМУ воспринимается представителями различных правительственных организаций как основной партнер со стороны мусульманского сообщества Украины.

ДУМУ является единственной мусульманской организацией, которая самостоятельно или в составе ВСЦиРО входит в общественные советы при различных министерствах. Среди них отдельно можно выделить Совет по душпастырской [духовной. — Прим. Д.Б.] опеке Министерства обороны Украины, Общественный совет по вопросам сотрудничества с Церквями и религиозными организациями при Министерстве образования и науки Украины, Общественный совет по вопросам сотрудничества с Всеукраинским Советом Церквей и религиозных организаций при Министерстве здравоохранения Украины и Общественный совет при Министерстве иностранных дел Украины [Брилев, 2016: 202].

²² Минарет. 2013. № 6 (98).

²³ В настоящее время ДУМУ — единственная мусульманская организация, представленная во ВСЦиРО.

²⁴ Совет был образован в январе 1996 г. как представительский межконфессиональный консультативно-совещательный орган и объединяет 95% религиозной сети Украины.

И, наконец, **четвертый актер — образовательные НГО** Исламский университет и общеобразовательная школа «аль-Иршад». 11 мая 1993 г. был открыт первый в истории Украины Исламский университет (ИУ). Для детей младшего и среднего школьного возраста с 1996 г. действует общеобразовательная школа «аль-Иршад». Кроме того, в состав ДУМУ входит 40 воскресных школ.

Акцент в образовательной деятельности указанных учреждений ставится на создании системы исламского образования, адаптированного к местным условиям и менталитету, и на воспроизводство имамов для нужд мусульман Украины. При этом подчеркивается тесная связь между ИУ и Каирским университетом аль-Азхар, характерная для всей сети аль-Ахбаш [Brylov, 2013: 214].

Украинский Исламский университет насчитывает более 10 выпусков имамов и преподавателей религиозных наук, которые уже заняты в деятельности украинских мусульманских общин, а также в центрах и объединениях Украины, России, Казахстана, Турции и других государств. Для лучших выпускников ИУ существует практика повышения квалификации в Ливане, в штаб-квартире аль-Ахбаш.

Ключевые выводы

Анализ ТКС аль-Ахбаш в рамках концепции транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий Е. А. Островской позволил установить специфику этого типа сети. В отличие от выявленных Е. А. Островской политически конфликтных ТКС религиозных идеологий, аль-Ахбаш представляет собой новый тип — политически конформной сети. Конформизм аль-Ахбаш связан с ее категорической лояльностью европейской демократической доктрине и антиисламистской установке. Этим во многом обусловлено отсутствие в ее структуре такого актора, как правительство страны исхода (в данном случае — Ливана). Еще одна особенность сети аль-Ахбаш — акцент на образовательной деятельности, которая выступает ключевым аспектом идеологической консолидации сети.

Как показало исследование, основными акторами ТКС аль-Ахбаш на Украине выступают: 1) смешанная диаспора, 2) местное религиозное НГО «Духовное управление мусульман Украины», 3) правительственные организации, взаимодействующие с ТКС аль-Ахбаш, 4) образовательные НГО.

Характерной чертой деятельности ДУМУ, как и в целом ТКС аль-Ахбаш, является сочетание сотрудничества с государственными органами с интенсивной проповедью в среде местных мусульман. Религиозный авторитет ДУМУ базируется на использовании ритуальных практик, коренящихся в суфизме, а также на суннитской теологической ортодоксии (*ашаризме*).

Список литературы (References)

Брилев Д. Духовное управление мусульман Украины // Мусульманское сообщество Украины: институционализация и развитие. Винница : Консоль, 2016. С. 198—210.

Brilev D. (2016) Spiritual Administration of the Muslims of Ukraine. The Muslim community of Ukraine, institutionalization and development. Vinnica: Konsol'. P. 198—210. (In Russ.)

Брильов Д. В. Ісламський фактор в державно-конфесійній політиці України: внутрішньо- та зовнішньополітичний аспекти // Державно-конфесійні відносини в Україні: сучасний стан та тенденції розвитку. К. : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова. 2012. С. 22—39.

Brylov D. (2012) Islamic Factor in the Religious Policy of Ukraine: Domestic and Foreign Policy Aspects. State-confessional relations in Ukraine: current situation and development trends. K.: Vidavnistvo NPU imeni M. P. Dragomanova. P. 22—39. (In Ukr.)

Островская Е. А. Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том XVI. № 2(67). С. 168—188.

Ostrovskaya E. A. (2013) Transnational Space of Global Intercultural Interactions: A Methodology of Sociological Research. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 2 (67). P. 168—188. (In Russ.)

Савичева Е. М. Ливан и его диаспора: прямая и обратная связь // Вестник РУДН. 2010. № 2. С. 86—101.

Savicheva E. (2010) Lebanon and its Diaspora: Straight and Reverse Connection. *Vestnik RUDN*. No. 2. P. 86—101. (In Russ.)

Сапронова М. А. Ливан: меняющиеся парадигмы политического развития // Вестник МГИМО. 2010. № 4. С. 308—310.

Sapronova M. A. (2010) Lebanon: the changing paradigms of political development. *Vestnik MGIMO*. No. 4. P. 308—310. (In Russ.)

Цибенко (Иванова) В. В. Накшбандийский тарикат хакканийа (раббанийа) и неосманский проект шейха Назима Киприотского // Исламоведение. 2014. № 4. С. 94—104.

Tsibenko (Ivanova) V. (2014) Naqshbandi Haqqani (Rabbani) Sufi Order and the Neo-Ottoman Project of Sheikh Nazim al-Qubrusi. *Islamovedenie*. No. 4. P. 94—104. (In Russ.)

Abbink J. (2014) Religious freedom and the political order: the Ethiopian 'secular state' and the containment of Muslim identity politics. *Journal of Eastern African Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 346—365. <https://doi.org/10.1080/17531055.2014.917855>

Amghar S. (2007) Les Ahbâch, ou le nouvel islam européen. *Politique étrangère*. No. 3. P. 605—615. <https://doi.org/10.3917/pe.073.0605>

Avon D. (2008) Les Ahbaches. Un mouvement libanais sunnite contesté dans un monde globalize. *Cahiers d'études du religieux: Recherches interdisciplinaires*. No. 2. <https://doi.org/10.4000/cerri.331>

Boubekeur A. (2008) Political Islam in Europe. In: Amghar S., Boubekeur A. & Emerson M. (Eds.) *European Islam: Challenges for Society and Public Policy*. Brussels: Centre For European Policy Studies. P. 14—37.

Brylov D. (2015) Ukrainian Modernist Groups in International Context. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. Vol. 53. No. 3. P. 72—80. <https://doi.org/10.1080/10611959.2014.1024062>.

Brylov D. (2013) Islamic Education between Tradition and Modernization: The Ukrainian Example. In: Aslan E., Rausch M. (Eds.) *Islamic Education in Secular Societies*. Peter Lang, Wien. P. 205—221.

Hamzeh A., Dekmejian R. (1996) Sufi response to political islamism: Al-Ahbash of Lebanon. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 28. No. 2. P. 217—229. <https://doi.org/10.1017/S0020743800063145>

Kabha M., Erlich H. (2006) Al-Ahbash and Wahhabiyya: interpretations of Islam. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 38. No. 4. P. 519—538. <https://doi.org/10.1017/S0020743806412459>

Pearlman W. (2014) Competing for Lebanon's Diaspora: Transnationalism and Domestic Struggles in a Weak State. *International Migration Review*. Vol. 48. No. 1. P. 34—75. <https://doi.org/10.1111/imre.12070>

Pierret T. (2005) Internet in a Sectarian Islamic Context. *ISIM Review*. Vol. 15. No. 1. P. 50.

Raudvere C., Steinberg L. (2009.) Translocal mobility and traditional authority. In: Raudvere C., Steinberg L. (Eds.) *Sufism Today: Heritage and Tradition in the Global Community*. London, New York, L.N.Y.: I. B. Tauris, P. 1—13.

Rougier B. (2009) *Everyday Jihad. The Rise of Militant Islam among Palestinians in Lebanon*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Roy O. (2004) *Globalized Islam: the search for a new Ummah*. New York: Columbia University Press.

Tabar P. (2010) Lebanon: A country of emigration and immigration. Paper submitted to Forced Migration and Refugee Studies (FMRS) at the American University in Cairo (AUC). URL: <http://schools.aucegypt.edu/GAPP/cmrs/reports/Documents/Tabar080711.pdf> (accessed: 20.01.2018).